

Астор
УАЙЛЪД

Портрет Дориана Грея

Annotation

Драма была написана в 1892 г. Впервые поставлена на сцене парижского театра «Творчество» в 1896 г. Сюжет драмы основан на библейской истории о гибели Иоанна Крестителя. Первое издание на французском языке — Париж, 1893 г. Английский перевод Альфреда Дугласа — Лондон, 1894 г. С этого текста и сделан русский перевод пьесы.

- [Оскар Уайльд](#)
 - [Действующие лица](#)
 -
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)

- [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
-

Оскар Уайльд
Саломея
Драма в одном действии

Посвящается моему другу Пьеру Луи^{[\[1\]](#)}

Действующие лица

Ирод Антипа, тетрарх^[2] Иудеи.

Иоканаан^[3], пророк.

Молодой сириец, начальник стражи.

Тигеллин, молодой римлянин.

Каппадокиец^[4].

Нубиец.

Первый солдат.

Второй солдат.

Паж Иродиады.

Евреи, назареяне^[5] и прочие.

Раб.

Нааман, палач.

Иродиада, жена тетрарха.

Саломея^[6], дочь Иродиады.

Рабыни Саломеи.

Место действия — обширная терраса во дворце Ирода, расположенная несколько выше пиршественного зала. Солдаты стоят, облокотившись на балюстраду балкона. Направо огромная лестница. Налево, в глубине, старый колодец со стенками из позеленевшей бронзы. Светит луна.

Молодой сириец. Как прекрасна сегодня царевна Саломея!

Паж Иродиады. Посмотри на луну. До чего луна кажется странной. Она похожа на женщину, встающую из могилы. Она похожа на мертвую женщину. Может показаться, что она сама выискивает мертвых.

Молодой сириец. У нее странный вид. Она подобна маленькой царевне, на которой желтое покрывало и ноги которой из серебра. Она подобна царевне, у которой две маленькие белые голубки вместо ног. Кажется, будто она танцует.

Паж Иродиады. Она словно мертвая женщина. Она движется так медленно.

Шум в пиршественном зале.

Первый солдат. Что за шум! Что за дикие звери там воют!

Второй солдат. Это евреи. Они всегда так. Они спорят о своей вере.

Первый солдат. Почему они спорят о своей вере?

Второй солдат. Не могу сказать. Они всегда это делают. Фарисеи, например, утверждают, что ангелы есть, а саддукеи [\[7\]](#) заявляют, что ангелов не существует.

Первый солдат. Я нахожу нелепым спорить о таких вещах.

Молодой сириец. Как прекрасна сегодня царица Саломея!

Паж Иродиады. Ты на нее постоянно смотришь. Ты смотришь на нее слишком много. Так смотреть на людей опасно. Может случиться что-то ужасное.

Молодой сириец. Она очень красива сегодня.

Первый солдат. Какой мрачный у тетрарха вид.

Второй солдат. Да, у него мрачный вид.

Первый солдат. Он на что-то смотрит.

Второй солдат. Он на кого-то смотрит.

Первый солдат. И на кого же он смотрит?

Второй солдат. Этого я не могу сказать.

Молодой сириец. Как царица бледна! Я никогда не видел, чтобы она была так бледна. Она похожа на отражение белой розы в серебряном зеркале.

Паж Иродиады. Не надо смотреть на нее. Ты слишком много на нее смотришь.

Первый солдат. Иродиада наполняет кубок тетрарха.

Каппадокиец. Так это и есть царица Иродиада — та, что в черной митре, усеянной жемчугами; та, чьи волосы присыпаны голубой пудрой?

Первый солдат. Да, это Иродиада. Супруга тетрарха.

Второй солдат. Тетрарх очень любит вино. У него вино трех сортов. Одно привезено с острова Самофракия, оно пурпурное, как мантия цезаря.

Каппадокиец. Я никогда не видел цезаря.

Второй солдат. Другое — с острова Кипра, оно желтое, как золото.

Каппадокиец. Я люблю золото.

Второй солдат. А третье вино — с острова Сицилия. Это вино красное, как кровь.

Нубиец. Боги моей страны очень любят кровь. Два раза в год мы приносим им в жертву юношей и девушек — пятьдесят юношей и сто девушек. Но, видно, им мало, потому что они очень сурово обходятся с нами.

Каппадокиец. В моей стране богов больше нет, их выгнали римляне. Некоторые говорят, что они прячутся в горах, но я этому не верю. Целых

три ночи провел я в горах, разыскивая их без устали. И не нашел их. Наконец я стал звать их по именам, но они не пришли на зов. Я думаю, все они мертвы.

Первый солдат. Евреи молятся богу, которого невозможно увидеть.

Каппадокиец. Этого я понять не могу.

Первый солдат. Можно сказать, они верят только в то, что невозможно увидеть.

Каппадокиец. Мне это кажется совершенно нелепым.

Голос Иоканаана. После меня придет другой, кто сильнее меня. Я недостойн даже развязывать ремни его сандалий^[8]. И когда он придет, возликует пустыня. Она расцветет, как лилея. Глаза незрячих узрят свет дневной, а уши глухих отверзнутся. Новорожденный возложит длань свою на логовище драконов и поведет львов за собой, держа их за гриву.

Второй солдат. Заставь его замолчать. Он сам не ведает, что говорит.

Первый солдат. Нет, нет, это святой человек. К тому же очень кроткий. Каждый раз, когда я приношу ему поесть, он непременно благодарит меня.

Каппадокиец. Кто он такой?

Первый солдат. Он пророк.

Каппадокиец. Как его звать?

Первый солдат. Иоканаан.

Каппадокиец. Откуда он?

Первый солдат. Из пустыни, где он питался акридами^[9] и диким медом. Одежда на нем была из верблюжьего волоса, а вокруг чресел — кожаный пояс. На него было просто ужасно смотреть. За ним следовала огромная толпа. У него даже были ученики.

Каппадокиец. О чем это он говорит?

Первый солдат. Нам трудно сказать. Иногда он говорит ужасные вещи, но понять, что он хочет сказать, невозможно.

Каппадокиец. Его можно увидеть?

Первый солдат. Нет. Тетрарх никому этого не позволяет.

Молодой сириец. Царевна прикрыла лицо веером. Ее маленькие белые руки порхают, словно голуби, летящие к своей голубятне. Они похожи на белых бабочек. Они совсем как белые бабочки.

Паж Иродиады. Но что тебе до этого? Зачем ты на нее смотришь? Не надо так смотреть на нее. Может случиться что-то ужасное.

Каппадокиец (указывая на колодец). Какая странная тюрьма!

Второй солдат. Это заброшенный колодец.

Каппадокиец. Заброшенный колодец! Сидеть там, должно быть, очень вредно для здоровья.

Второй солдат. Вовсе нет. Например, брат тетрарха — его старший брат и первый муж царицы Иродиады — был заключен туда на целых двенадцать лет. И не умер. Под конец этих двенадцати лет его пришлось задушить.

Каппадокиец. Задушить? Кто же осмелился это сделать?

Второй солдат (*указывает на палача, огромного негра*). Вон тот, Нааман.

Каппадокиец. И он не побоялся?

Второй солдат. Конечно, нет! Тетрарх послал ему перстень.

Каппадокиец. Какой перстень?

Второй солдат. Перстень смерти. Потому он и не побоялся.

Каппадокиец. И все же как это ужасно — задушить царя.

Первый солдат. Но почему? У царей такая же шея, как и у других людей.

Каппадокиец. Мне кажется, это ужасно.

Молодой сириец. Царевна встает! Она выходит из-за стола! У нее очень встревоженный вид. О, она направляется сюда. Да, она идет к нам. Как она бледна! Я никогда не видел, чтобы она была так бледна.

Паж Иродиады. Не смотри на нее. Умоляю тебя, не смотри на нее.

Молодой сириец. Она как голубка, сбившаяся с пути... Она как нарцисс, колеблемый ветром... Она подобна серебряному цветку.

Входит Саломея.

Саломея. Я не останусь там. Я не могу оставаться там. Отчего это тетрарх неотрывно смотрит на меня из-под дрожащих век своими маленькими кротовыми глазами? Странно, что муж моей матери так на меня смотрит. Я не знаю, что это значит... Впрочем, нет, знаю.

Молодой сириец. Ты покинула пир, царевна?

Саломея. Какой здесь чудесный, свежий воздух! Как здесь хорошо дышится! А там, внутри, — там евреи из Иерусалима, которые рвут друг друга на части, споря о своих глупых обрядах, и варвары, которые пьют не переставая и проливают на пол вино, и греки из Смирны^[10] с накрашенными глазами, нарумяненными щеками и с завитыми в колечки волосами, и египтяне, молчаливые, хитрые, с длинными ногтями, зелеными, как нефрит, и в коричневых плащах, и римляне, грубые, недалекие, сквернословящие. Ах, как я ненавижу римлян! Они неотесанны

и вульгарны, а корчат из себя благородных господ.

Молодой сириец. Не желаешь ли присесть, царевна?

Паж Иродиады. Зачем ты говоришь с нею? Зачем на нее смотришь? О, случится нечто ужасное!

Саломея. Как хорошо смотреть на луну! Она похожа на маленькую монету. Кажется, будто она маленький серебряный цветок. Луна холодна и целомудренна. Я уверена, она девственница, у нее красота девственницы... Да, она непорочна. Она остается неоскверненной. Она никогда не отдавалась мужчинам, как другие богини.

Голос Иоканаана. Он пришел, Господь. Он пришел, Сын Человеческий. Кентавры спрятались в реках, а сирены покинули реки и притаились среди листьев в чаще лесов.

Саломея. Кто прокричал эти слова?

Второй солдат. Пророк, царевна.

Саломея. А, это пророк! Тот самый, которого так боится тетрарх?

Второй солдат. Об этом мы ничего не знаем, царевна. Ты слышала голос пророка Иоканаана.

Молодой сириец. Не угодно ли тебе, чтобы я велел принести твой паланкин, царевна? Ночью так хорошо в саду.

Саломея. Он говорит чудовищные вещи о моей матери, ведь правда?

Второй солдат. Мы никогда не понимаем того, что он говорит, царевна.

Саломея. Да, он говорит о ней ужасные вещи.

Входит раб.

Раб. Царевна, тетрарх просит тебя вернуться на пир.

Саломея. Я не вернусь туда.

Молодой сириец. Прости, царевна, но, если ты не вернешься, может случиться несчастье.

Саломея. Он старик, этот пророк?

Молодой сириец. Царевна, лучше бы тебе вернуться. Позволь мне проводить тебя.

Саломея. Этот пророк... он старик?

Первый солдат. Нет, царевна, он довольно молод.

Второй солдат. Трудно сказать. Некоторые говорят, что это Илия ^[11].

Саломея. Кто такой Илия?

Второй солдат. Древнейший пророк этой страны, царевна.

Раб. Какой ответ мне передать тетрарху от царевны?

Голос Иоканаана. Не ликуй, земля Палестины, что преломился прут в руке того, кто бичевал тебя. Ибо из отродья змиева явится василиск^[12], и то, что от него родится, станет пожирать всех птиц на земле.

Саломея. Какой странный голос! Мне хотелось бы поговорить с пророком.

Первый солдат. Боюсь, это невозможно, царевна. Тетрарх не хочет, чтобы хоть кто-нибудь с ним разговаривал. Он даже первосвященнику^[13] запретил говорить с ним.

Саломея. Я хочу говорить с ним.

Первый солдат. Это невозможно, царевна.

Саломея. Я буду говорить с ним.

Молодой сириец. Не лучше ли возвратиться на пир, царевна?

Саломея. Приведите сюда этого пророка.

Раб удаляется.

Первый солдат. Мы не смеем, царевна.

Саломея (*подходит к краю колодца и вглядывается в его глубь*). Как там темно внизу! До чего же, должно быть, ужасно сидеть в этой черной яме! Она как могила... (*Обращаясь к солдатам.*) Вы что, не слышали меня? Выведите его оттуда. Я хочу его видеть.

Второй солдат. Царевна, прошу тебя, не требуй от нас этого.

Саломея. Вы заставляете меня ждать.

Первый солдат. Царевна, жизнь каждого из нас полностью принадлежит тебе, но мы не можем сделать того, о чем ты просишь. Да и не нас тебе нужно просить об этом.

Саломея (*смотрит на молодого сирийца*). Ах да!

Паж Иродиады. О, что будет! Я уверен, случится несчастье.

Саломея (*подходит к молодому сирийцу*). Нарработ, ты сделаешь это для меня, ведь правда? Ты это сделаешь для меня. Я ведь всегда была к тебе добра. Так что ты это сделаешь для меня. Я только взгляну на него, на этого странного пророка. О нем так много говорят. Я часто слышала, как о нем говорит тетрарх. Мне кажется, тетрарх боится его. А ты, Нарработ, неужели и ты боишься его?

Молодой сириец. Я его не боюсь, царевна, я никого не боюсь. Но тетрарх строжайше запретил снимать крышку с колодца.

Саломея. Ты это сделаешь для меня, Нарработ, и завтра, когда меня будут проносить в моем паланкине через ворота, возле которых торгуют

идолами, я уроню для тебя маленький цветок, маленький зеленый цветочек.

Молодой сириец. Царевна, я не могу, не могу.

Саломея (*улыбаясь*). Ты ведь это сделаешь для меня, Нарработ? Ты же знаешь, что сделаешь. И завтра, когда меня будут проносить в паланкине мимо моста, где покупают идолов, я взгляну на тебя из-за муслиновой занавески, — да, Нарработ, взгляну на тебя и, может быть, улыбнусь тебе. Посмотри на меня, Нарработ, посмотри на меня. Ах, ты ведь знаешь, что сделаешь то, о чем я тебя прошу. Ты хорошо это знаешь... Я знаю, что ты это сделаешь.

Молодой сириец (*делает знак третьему солдату*). Выпусти пророка... Царевна Саломея хочет видеть его.

Саломея. Ах!

Паж Иродиады. О, какой у луны странный вид! Можно подумать, будто это рука мертвой женщины, которая пытается закрыть себя саваном.

Молодой сириец. Да, у нее странный вид. Она подобна маленькой царевне с глазами из янтаря. Она улыбается сквозь муслиновые облака, словно она маленькая царевна.

Из колодца появляется **пророк**. **Саломея** смотрит на него и медленно отступает назад.

Иоканаан. Где тот, чья чаша со скверной наполнилась до краев? Где тот, кто однажды, в серебряном одеянии, умрет перед лицом всего народа? Велите ему явиться сюда, дабы он внял голосу того, кто взывал в пустынях и во дворцах царей.

Саломея. О ком это он говорит?

Молодой сириец. Никто этого никогда не может понять, царевна.

Иоканаан. Где та, которая, увидев лики мужей, на стенах изображенные, лики халдеев, писанные красками, предалась похоти глаз своих и отправила посланников в Халдею^[14]?

Саломея. О моей матери — вот о ком он говорит.

Молодой сириец. О нет, царевна.

Саломея. Да, он говорит о моей матери.

Иоканаан. Где та, которая отдавалась военачальникам ассирийским, носящим перевязи на чреслах и многоцветные тиары на головах? Где та, которая отдавалась юношам египетским, облаченным в тончайшее полотно и порфиры, юношам, чьи щиты — из золота, а шлемы — из серебра и чьи тела столь могучи? Велите ей восстать с ложа своего, ложа скверны, ложа кровосмешения, дабы смогла она услышать слова того, кто приуготовляет

путь Господень, и покаяться в грехах своих. И пусть даже она никогда не раскается, но, напротив, будет упорствовать в прегрешениях своих, велите ей явиться сюда, ибо лопата Господа уже в руке Его^[15].

Саломея. Но лик его ужасен, просто ужасен!

Молодой сириец. Не оставайся здесь, царевна, умоляю тебя.

Саломея. А самое ужасное — это его глаза. Они точно черные дыры, выжженные факелами в тирском гобелене. Точно черные пещеры, где обитают драконы. Точно черные пещеры Египта, где устраивают себе логовища драконы. Точно черные озера, взбудораженные фантазмагорическими лунами... Ты думаешь, он будет что-то еще говорить?

Молодой сириец. Не оставайся здесь, царевна. Умоляю тебя, не оставайся.

Саломея. До чего же он худ! Он похож на хрупкую фигурку из слоновой кости. Или на изваяние из серебра. Я уверена, что он непорочен, как месяц на небосклоне. Он подобен лунному лучу, серебристому лунному лучу. Его плоть, должно быть, холодна, как слоновая кость... Я хочу увидеть его поближе.

Молодой сириец. Нет, нет, царевна.

Саломея. Но я должна посмотреть на него поближе.

Молодой сириец. Царевна! Царевна!

Иоканаан. Кто эта женщина, что воззрилась на меня? Я не хочу, чтобы она на меня смотрела. Зачем она на меня смотрит этими своими золотыми глазами из-под позолоченных век? Я не знаю, кто она. И не желаю знать, кто она. Пусть она уходит. Если я и буду говорить, то не с ней.

Саломея. Я Саломея, дочь Иродиады, царевна иудейская.

Иоканаан. Не подходи, дочь вавилонова!^[16] Не приближайся к избраннику Господню. Мать твоя пропитала всю землю вином своих нечестивостей, и крики о грехах ее достигли ушей Господних.

Саломея. Не умолкай, Иоканаан. Твой голос пьянит меня точно вино.

Молодой сириец. Царевна! Царевна! Царевна!

Саломея. Говори еще! Говори еще, Иоканаан, и надоумь меня, что мне делать.

Иоканаан. Не приближайся ко мне, дочь содомова! Спрячь лицо свое под покрывало, посыпь голову свою пеплом и поспеши в пустыню искать Сына Человеческого.

Саломея. Кто он, Сын Человеческий? Он так же красив, как и ты, Иоканаан?

Иоканаан. Прочь от меня! Я слышу, как во дворце хлопает крыльями Ангел Смерти.

Молодой сириец. Царевна, умоляю тебя, возвращайся на пир!

Иоканаан. Ангел Господень, зачем ты здесь с мечом своим? Кого ты ищешь в этом нечестивом дворце? Не пришел еще его день — того, кто умрет в серебряном одеянии.

Саломея. Иоканаан!

Иоканаан. Кто это говорит?

Саломея. Иоканаан! Я влюблена в твое тело! Тело твое бело, как лилии на никогда не кошенном поле. Тело твое бело, как снег, покрывающий горы, — как снег, лежащий в горах Иудеи и нисходящий в долины. Розы в саду царицы аравийской не столь белы, как твое тело. Ни розы в саду царицы аравийской, ни ноги утренней зари, легко ступающей по листве, ни лоно луны, покоящейся на лоне морском, — ничто на свете не сравнится с белизной твоего тела. Позволь мне коснуться твоего тела!

Иоканаан. Не подходи, дочь вавилонова! Зло в этот мир пришло через женщину. Не заговаривай со мной. Я не стану слушать тебя. Я буду слушать лишь слова Господни.

Саломея. Тело твое отвратительно. Оно точно тело прокаженного. Оно будто оштукатуренная стена, по которой проползли ядовитые змеи, — будто оштукатуренная стена, на которой устроили гнездо свое скорпионы. Оно словно выбеленный склеп, полный скверны. Оно ужасно, тело твое! В волосы твои — вот во что я влюблена, Иоканаан. Твои волосы подобны гроздьям винограда, гроздьям черного винограда, свисающим с гибких лоз в виноградниках Эдома^[17], страны эдомитов. Твои волосы подобны кедром ливанским, огромным кедром ливанским, что дают тень львам и разбойникам, ищущим укрытия средь бела дня. Долгие черные ночи, когда луна прячет лицо свое, когда звезды боятся показываться на небосклоне, не так черны, как твои волосы. Безмолвие, таящееся в лесах, не так черно, как они. Нет ничего на свете чернее твоих волос... Позволь мне коснуться волос твоих.

Иоканаан. Не подходи, дочь содомова! Не прикасайся ко мне! Не оскверняй храм Господень!

Саломея. Твои волосы отвратительны. Они покрыты грязью и пылью. Они точно терновый венец, возложенный на чело твое. Точно клубок черных змей, извивающихся вокруг шеи твоей. Мне не нравятся твои волосы... Уста твои — вот чего я желаю, Иоканаан. Уста твои подобны алой ленте на башне из слоновой кости. Они подобны плоду граната, разрезанному ножом из слоновой кости. Цветы граната, что цветут в садах

Тира^[18], краснее, чем алые розы, но и они не так красны, как твои уста. Раскаленные раскаты труб, возвещающие прибытие царей и наводящие ужас на врагов, не так красны, как они. Твои уста краснее, чем ступни у тех, кто давит виноград в давильнях. Они краснее, чем лапки у голубей, обитающих в храмах, где их кормят священники. Они краснее, чем ноги у того, кто возвращается из леса, где он убил льва и видел золотистых тигров. Твои уста подобны ветке коралла, найденной рыбаками в сумерках моря и сохраняемой ими для царей!.. Они подобны киноvari, добываемой моавитянами в копиях Моавы^[19] и отбираемой у них царями. Они подобны боевому луку персидского царя, покрытому киноварью и украшенному с обоих концов кораллами. Нет ничего на свете краснее уст твоих... Позволь мне поцеловать тебя в уста.

Иоканаан. Никогда, дочь вавилонова! Дочь содомова, никогда!

Саломея. Я поцелую тебя в уста, Иоканаан. Я поцелую тебя.

Молодой сириец. Царевна, царевна, ты благоухаешь словно сады коммифоровые, ты голубица из голубиц. Так не смотри же на этого человека, не смотри на него! Не говори ему таких слов. Мне невыносимо их слышать... Царевна, царевна, не говори больше этих слов.

Саломея. Я поцелую тебя в уста, Иоканаан.

Молодой сириец. А-а-а! *(Убивает себя и падает между Саломеей и Иоканааном.)*

Паж Иродиады. Молодой сириец убил себя! Молодой начальник стражи убил себя! Убил себя тот, кто был моим другом! Я подарил ему коробочки с благовониями и серьги, сделанные из серебра, и теперь он убивает себя! Ах, не предсказывал ли он, что случится несчастье? Я и сам это предсказывал, и так оно и случилось. Что ж, я знал, что луна выискивает мертвых, но не думал, что она найдет его. Ах, почему я не спрятал его от луны? Если бы я спрятал его в пещере, она бы не заметила его.

Первый солдат. Царевна, молодой начальник стражи только что покончил с собой.

Саломея. Позволь мне поцеловать тебя в уста, Иоканаан.

Иоканаан. Ужели тебе не страшно, дочь Иродиады? Разве не говорил я тебе, что слышал, как во дворце хлопает крыльями Ангел Смерти, и разве ты не видишь, что Ангел Смерти уже явился?

Саломея. Позволь мне поцеловать тебя в уста.

Иоканаан. Знай же, порождение прелюбодеяния, есть лишь один человек, который может спасти тебя. Это тот, о ком я уже говорил тебе. Иди

и ищи Его. Он в лодке на море Галилейском, и Он говорит со своими учениками. Опустись на колени на берегу морском и позови Его по имени. И когда он придет к тебе — а он приходит ко всем, кто зовет Его, — пади к ногам Его и проси об отпущении грехов своих.

Саломея. Позволь мне поцеловать тебя в уста.

Иоканаан. Будь же ты проклята, дочь матери-кровосмесительницы, будь проклята!

Саломея. Я поцелую тебя в уста, Иоканаан.

Иоканаан. Я не хочу тебя видеть, и я не буду больше смотреть на тебя. Ибо ты проклята, Саломея, ты проклята.

Иоканаан спускается в колодезь.

Саломея. Я все же поцелую тебя в уста, Иоканаан, я тебя поцелую.

Первый солдат. Нам нужно перенести тело в другое место. Тетрарх видеть не может трупов, за исключением трупов тех людей, которых убил он сам.

Паж Иродиады. Он был мне братом, даже ближе брата. Я подарил ему коробочки с благовониями и агатовый перстень, который он никогда не снимал с пальца на руке. По вечерам мы гуляли с ним по берегу реки среди миндальных деревьев, и он рассказывал мне о своей стране. Говорил он всегда очень тихо. Звук его голоса походил на звук флейты, на звук голоса того, кто играет на флейте. И он так любил смотреть на свое отражение в реке. Я часто упрекал его за это.

Второй солдат. Ты прав, нужно спрятать тело. Тетрарх не должен его видеть.

Первый солдат. Тетрарх сюда не придет. Он никогда не выходит на террасу: он слишком боится пророка.

Входят **Ирод, Иродиада** и весь двор.

Ирод. Где Саломея? Где царица? Почему она не вернулась на пир, как я ей велел?.. А, вот она!

Иродиада. Не надо смотреть на нее. Ты постоянно на нее смотришь.

Ирод. У луны сегодня такой странный вид. Не правда ли, странный? Она похожа на помешанную — на помешанную, которая всюду ищет себе любовников. И она нагая. Она совершенно нагая. Облака стремятся прикрыть ее наготу, но она им не позволяет. Она выставляет себя на небосклоне нагой. Она бредет сквозь ряды облаков шатаясь, точно пьяная

женщина... Я уверен, она ищет любовников. Ведь правда — она шатается, точно пьяная женщина? Она похожа на помешанную, ведь правда?

Иродиада. Нет, луна похожа на луну — ни на что больше. Давай лучше вернемся во дворец... Тебе здесь нечего делать.

Ирод. Я остаюсь здесь! Манасия, постели нам ковры. Пусть зажгут факелы, принесут столы из слоновой кости и столы из яшмы. Какой здесь чудесный воздух! Я выпью еще вина с моими гостями. Послам цезаря нужно оказать всевозможные почести.

Иродиада. Не из-за них ты здесь остаешься.

Ирод. Да, воздух здесь восхитительный. Идем, Иродиада, нас ждут гости... Ох... я поскользнулся в луже крови! Это дурной знак. Это очень дурной знак. Откуда здесь кровь?.. А этот труп... откуда здесь взялся труп и зачем он здесь? Не думаете же вы, что я, подобно царю египетскому, не мыслю себе пира, на котором гостям не будет показан хотя бы один труп?.. Чей это труп? Я не хочу его видеть.

Первый солдат. Это наш начальник, повелитель. Он тот юный сириец, которого ты всего три дня назад поставил начальником стражи.

Ирод. Я не давал приказания его убивать.

Второй солдат. Он сам себя убил, повелитель.

Ирод. Но почему? Я ведь назначил его начальником.

Второй солдат. Мы этого не знаем, повелитель. Но он сам себя убил.

Ирод. Мне это кажется непонятным. Я считал, что только римские философы убивают себя. Не правда ли, Тигеллин, философы в Риме убивают себя?

Тигеллин. Да, некоторые из них убивают себя, повелитель. Они называют себя стоиками^[20]. Стоики эти — народ нецивилизованный. Я лично нахожу их людьми совершенно нелепыми.

Ирод. Я тоже. Нелепо убивать себя.

Тигеллин. В Риме все над ними смеются. Император даже написал на них сатиру. И теперь ее можно услышать на каждом углу.

Ирод. О, он написал сатиру на них! Да-а, цезарь удивительный человек. Он, кажется, все умеет... Странно, что молодой сириец покончил с собой. Мне жаль, что он покончил с собой. Очень жаль. Потому что на него было приятно смотреть. Он был очень хорош собой. У него были томные глаза. Помню, я однажды заметил, как томно он смотрит на Саломею. И я подумал тогда, что он слишком засматривается на нее.

Иродиада. Есть и другие, кто слишком засматривается на нее.

Ирод. Отец его был царем, но я изгнал его из царства, которым он правил. А царицу, его мать, ты сделала своей рабыней, Иродиада. Так что

он был здесь как бы моим гостем. Потому я и сделал его начальником моей стражи. Мне жаль, что он умер... Эй, почему вы оставили здесь этот труп? Я не хочу на него смотреть — унесите его отсюда. (*Тело уносят.*) Здесь холодно. Дует ветер. Ведь правда, дует ветер?

Иродиада. Нет никакого ветра.

Ирод. А я тебе говорю — дует ветер... И я слышу в воздухе звуки, напоминающие хлопанье крыльев — гигантских крыльев. Ты разве не слышишь?

Иродиада. Я ничего не слышу.

Ирод. Теперь и я не слышу, но только что слышал. Я уверен, что это завывал ветер. Пронесся и улетел. Хотя нет, опять слышу. Ты разве не слышишь? Очень похоже на хлопанье крыльев.

Иродиада. А я тебе говорю — все вокруг тихо. Уж не болен ли ты? Давай возвратимся во дворец.

Ирод. Я-то не болен. А вот твоя дочь больна. У нее очень болезненный вид. Я никогда не видел ее такой бледной.

Иродиада. Я тебе не раз говорила — не смотри на нее.

Ирод. Налейте-ка мне вина. (*Ему приносят вино.*) Саломея, подойди и выпей со мной немного вина. У меня замечательное вино. Сам цезарь прислал его мне. Омочи в нем свои маленькие красные губы, и тогда я осушу весь кубок.

Саломея. Мне не хочется пить, тетрарх.

Ирод. Ты слышишь, как она отвечает мне, твоя распрекрасная дочь?

Иродиада. И правильно делает. Почему ты никогда не сводишь с нее глаз?

Ирод. Принесите мне спелых фруктов. (*Ему приносят фрукты.*) Саломея, подойди и поешь фруктов со мной. Мне так нравится видеть на фруктах следы твоих маленьких зубов. Откуси от этого плода хоть кусочек, и тогда я съем остальное.

Саломея. Мне не хочется есть, тетрарх.

Ирод (*Иродиаде*). Видишь, как ты воспитала свою распрекрасную дочь.

Иродиада. Моя дочь и я царского рода, а вот твой отец был погонщиком верблюдов! К тому же грабителем и разбойником!

Ирод. Ты лжешь!

Иродиада. Ты прекрасно знаешь, что это правда.

Ирод. Саломея, подойди и сядь рядом со мной. Я обещаю тебе отдать трон твоей матери.

Саломея. Я не устала, тетрарх.

Иродиада. Сам видишь, как она относится к тебе.

Ирод. Принесите мне... Чего мне еще хотелось? Забыл... Ах, да, вспомнил!

Голос Иоканаана. Внемлите! Час пробил! То, что я предвещал, свершилось — так сказал Господь Бог. Внемлите! День, о котором я говорил, наступил.

Иродиада. Вели ему замолчать. Я не хочу его слышать. Этот человек вечно изрыгает слова, оскорбляющие меня.

Ирод. Он ничего не сказал о тебе плохого. К тому же он великий пророк.

Иродиада. Я не верю в пророков. Разве кто-нибудь может сказать, что произойдет в будущем? Никто этого знать не может. Да и кроме того, он вечно оскорбляет меня... Но мне кажется, ты боишься его... Да, я точно знаю, что ты боишься его.

Ирод. Не боюсь я его. Я никого не боюсь.

Иродиада. А я тебе говорю — ты боишься его. А если не боишься, почему не выдашь его евреям, которые уже шесть месяцев так настойчиво просят тебя об этом?

Один из евреев. И вправду, повелитель, ты бы лучше передал его в наши руки.

Ирод. Довольно об этом. Я уже дал вам ответ. Я не передам его в ваши руки. Это святой человек. Это человек, который видел Бога.

Еврей. Такого просто не может быть. Никто не видел Бога с тех пор, как его видел пророк Илия. Он был последним, кто видел Господа. В наши дни Господь не являет себя. Он остается незримым. Потому-то на нашу землю и пришли великие беды.

Другой еврей. Воистину, никому не ведомо, Господа ли видел пророк Илия. Возможно, он видел лишь тень Его.

Третий еврей. Бог никогда не бывает незримым. Он являет себя везде и во всем. Господь присутствует и в добрых деяниях, и в злых.

Четвертый еврей. Этого никогда не следует говорить. Такие мысли крайне опасны. Они исходят из школ александрийских, и внушают их люди, обучающие там своих учеников философии греков. А ведь греки — язычники. Они даже не совершают обряда обрезания.

Пятый еврей. Никто не может сказать, что движет Господом, ибо неисповедимы пути Господни. Возможно, то, что мы зовем злом, на самом деле добро, а то, что мы зовем добром, — зло. Нам не дано знать о делах Господних. Мы все должны принимать с покорностью, ибо безгранична сила Господня. Он сокрушает сильного столь же легко, сколь слабого, и не

щадит никого.

Первый еврей. Слова твои истинны: Господь Бог грозен. Он сокрушает сильных и слабых с такой же легкостью, с какой человек дробит зерно в ступе... Но Иоканаан никогда не видел Бога. Никто не видел Бога с тех пор, как его видел пророк Илия.

Иродиада. Вели им замолчать. Они утомляют меня.

Ирод. Но я слышал, будто Иоканаан и есть этот ваш пророк Илия.

Первый еврей. Этого не может быть. С тех пор, как жил пророк Илия, прошло больше трехсот лет.

Ирод. И все же некоторые говорят, что это и есть пророк Илия.

Один из назареев. Я уверен, что это пророк Илия.

Первый еврей. Нет, это не пророк Илия.

Голос Иоканаана. День этот наступил, день Господень, и я слышу уже, как по горам ступают ноги того, кто станет Спасителем мира.

Ирод. Что это означает — Спаситель мира?

Тигеллин. Это один из титулов цезаря.

Ирод. Но цезарь не собирался в Иудею. Не далее как вчера я получил письма из Рима, и в них об этом ничего не было сказано. А ты, Тигеллин, проведший в Риме всю зиму, ты что-нибудь слышал об этом?

Тигеллин. Я ничего об этом не слышал, повелитель. Я просто объяснил, что это один из титулов цезаря.

Ирод. Но цезарь не может приехать. Уж очень он страдает подагрой. Говорят, у него ноги, как у слона. Кроме того, нужно учесть государственные причины. Кто Рим покидает, тот Рим и теряет. Так что он не приедет. Конечно, цезарь — великий властелин, и будь на то его воля, ничто не помешало бы ему приехать. И все же я думаю, он не приедет.

Первый назареев. Не о цезаре говорил пророк те слова, повелитель.

Ирод. Не о цезаре?

Первый назареев. Нет, повелитель.

Ирод. Тогда о ком же он говорил?

Первый назареев. О Мессии^[21], который пришел в этот мир.

Один из евреев. Но Мессия не пришел в этот мир.

Первый назареев. Он пришел и повсюду творит чудеса.

Иродиада. Ха! Чудеса! Не верю я в чудеса. Слишком много я их навидалась. (Пажу.) Мой веер!

Первый назареев. Этот человек творит настоящие чудеса. Например, на одной свадьбе в небольшом, но довольно важном городе

Галилеи^[22] он превратил воду в вино. Об этом мне рассказали присутствовавшие при этом люди. Он также исцелил двух прокаженных, сидевших у ворот Капернаума^[23], — исцелил одним лишь прикосновением своим.

Второй назарейнин. Нет, это были слепцы — вот кого Он исцелил в Капернауме.

Первый назарейнин. Нет, это были прокаженные. Но Он исцелил и слепцов, и Его видели на горе, когда Он разговаривал с ангелами.

Один из саддукеев. Ангелов нет, они не существуют.

Один из фарисеев. Ангелы существуют, но я не верю, чтобы человек этот мог разговаривать с ними.

Первый назарейнин. Когда он разговаривал с ангелами, Его очень многие видели.

Саддукеи. Не может быть, чтобы с ангелами.

Иродиада. Как эти люди мне надоели! И до чего нелепы они! *(Пажу.)* Ну так где же мой веер? *(Паж подает ей веер.)* У тебя слишком мечтательный вид; ты не должен предаваться мечтам. Мечтают только больные люди. *(Ударяет пажу веером.)*

Второй назарейнин. А еще это чудо с дочерью Иаира^[24].

Первый назарейнин. Да, уж этого никто отрицать не сможет.

Иродиада. Эти люди безумны. Они слишком подолгу смотрят на луну. Вели им замолчать.

Ирод. Какое еще там чудо с дочерью Иаира?

Первый назарейнин. Дочь Иаира умерла, а Он воскресил ее из мертвых.

Ирод. Он что, воскрешает мертвых?

Первый назарейнин. Да, повелитель, Он воскрешает мертвых.

Ирод. Я не хочу, чтобы он это делал. Я запрещаю ему это делать. Я никому не позволю воскрешать мертвых! Надо найти этого человека и сказать ему, что я запрещаю ему воскрешать мертвых. Где этот человек сейчас?

Второй назарейнин. Он сразу везде, мой повелитель, но найти его очень трудно.

Первый назарейнин. Говорят, он сейчас в Самарии^[25].

Один из евреев. Нетрудно видеть, что это не Мессия, раз он в Самарии. Не к самаритянам^[26] придет Мессия. Самаритяне прокляты. Они никогда не делают пожертвований в храм.

Второй назарейнин. Несколько дней назад он покинул Самарию.

Думаю, он сейчас где-то в окрестностях Иерусалима.

Первый назареянин. Его там нет. Я только что вернулся из Иерусалима. Вот уже два месяца, как там о Нем ничего не слышали.

Ирод. Это не имеет значения. Главное, пусть отыщут его и передадут ему от меня, что я не позволяю ему воскрешать мертвых. Превращать воду в вино, исцелять прокаженных и слепых — все это он может делать, если таково его желание. Против этого я ничего не имею. Более того, я считаю, что исцеление прокаженных — доброе дело. Но я никому не позволю воскрешать мертвых. Было бы ужасно, если бы мертвые возвращались назад.

Голос Иоканаана. О, распутница! О, блудница! О, дочь вавилонова с этими ее золотыми глазами под позолоченными веками! Вот что говорит Господь Бог: пусть великое множество людей выйдет против нее и пусть они возьмут в руки камни и забросают ее камнями...

Иродиада. Прикажи ему замолчать!

Голос Иоканаана. И пусть воины-полководцы пронзят ее мечами своими, пусть они расплющат ее щитами своими.

Иродиада. Неслыханная дерзость!

Голос Иоканаана. Именно так сотру я с лица земли все непотребства и именно так научу я всех других женщин не повторять ее гнусных поступков.

Иродиада. Ты слышишь, что он говорит обо мне? И ты спокойно терпишь, что оскорбляют супругу твою?

Ирод. Он не называл твоего имени.

Иродиада. Разве это меняет дело? Ты же прекрасно знаешь — именно меня он старается оскорбить. А я ведь твоя супруга, не так ли?

Ирод. Воистину так, дражайшая и достойнейшая Иродиада, ты мне супруга. Ну а до этого ты, кажется, была супругой брата моего?

Иродиада. Но это ты вырвал меня из его объятий.

Ирод. И в самом деле, я был сильнее... Но лучше не будем вспоминать прошлое. Я не желаю говорить об этом. Именно из-за этой истории пророк произнес эти ужасные слова. И, может быть, именно из-за этого и произойдет несчастье. Однако не будем больше вспоминать прошлое... Достоянейшая Иродиада, мы не должны забывать о наших гостях. Наполни-ка мою чашу, любовь моя. Наполни-ка вином эти большие серебряные кубки и хрустальные бокалы. Я хочу выпить за здоровье цезаря. Здесь присутствуют римляне — так давайте же выпьем за здоровье цезаря.

Все. За цезаря! За цезаря!

Ирод. Замечаешь ли ты, как бледна твоя дочь?

Иродиада. Что тебе до того, бледна она или нет?

Ирод. Никогда еще я не видел, чтобы она была так бледна.

Иродиада. Ты не должен смотреть на нее.

Голос Иоканаана. В тот день солнце станет черным, как черная власяница, и луна станет красной, как кровь, и звезды упадут на землю с небес, словно зрелые плоды со смоковницы, и царей земных обуяет ужас.

Иродиада. Ах, хотела бы я увидеть тот день, о котором он говорит, когда луна станет красной, как кровь, и когда звезды упадут на землю, словно зрелые плоды со смоковницы. Этот пророк говорит, точно пьяный... Но мне невыносим звук его голоса. Я ненавижу его голос. Вели ему замолчать.

Ирод. Я не сделаю этого. Хотя я и не понимаю, о чем это он говорит, но это может быть предвещанием.

Иродиада. Не верю я в предвещения. Он говорит, точно пьяный.

Ирод. Быть может, он пьян вином Господним!

Иродиада. Что это еще за вино такое — вино Господне? На каких виноградниках собран для него виноград? И где та винодельня, где оно изготовлено?

Ирод *(не сводит глаз с Саломеи)*. Скажи, Тигеллин, в последний раз, когда ты был в Риме, говорил ли с тобой цезарь о...?

Тигеллин. О чем, повелитель?

Ирод. О чем?.. Ах, да! Я ведь задал тебе вопрос. Но я забыл, о чем я хотел спросить.

Иродиада. Ты снова смотришь на мою дочь. Ты не должен на нее смотреть. Сколько раз я говорила тебе об этом.

Ирод. Ни о чем другом ты уже и говорить не можешь.

Иродиада. И говорю это еще раз.

Ирод. Как там дела с восстановлением храма^[27], о чем так много было говорено? Будет ли из этого какой-нибудь толк? И правду ли говорят, что исчезла завеса^[28] из алтаря?

Иродиада. Да ведь ты же ее и украл. Сам не знаешь, что говоришь. Я не хочу больше здесь оставаться. Пойдем во дворец.

Ирод. Саломея, станцуй для меня.

Иродиада. Я не хочу, чтобы она танцевала.

Саломея. У меня нет желания танцевать, тетрарх.

Ирод. Саломея, дочь Иродиады, станцуй для меня.

Иродиада. Оставь ее в покое.

Ирод. Я приказываю тебе танцевать, Саломея.

Саломея. Я не буду танцевать, тетрарх.

Иродиада (смеясь). Вот видишь, как она тебя слушается!

Ирод. А, собственно, какая для меня разница, будет она танцевать или нет? Для меня это ровно ничего не значит. Сегодня я счастлив. Несказанно счастлив. Никогда еще я не был так счастлив.

Первый солдат. У тетрарха сегодня мрачный вид. Ведь правда, у него мрачный вид?

Второй солдат. Да, у него мрачный вид.

Ирод. У меня есть все основания чувствовать себя счастливым. Цезарь, этот властелин всего мира, повелевающий всем на свете, меня очень любит. Он только что прислал мне драгоценнейшие подарки. А кроме того, он мне обещал призвать к себе в Рим царя каппадокийского, врага моего. Должно быть, в Риме цезарь и распнет его, ибо он может делать все, что захочет. Он поистине великий владыка. Так что сама видишь, у меня есть все основания быть счастливым. И я действительно счастлив. Еще никогда я не был так счастлив. Нет ничего на свете, что могло бы омрачить мое счастье.

Голос Иоканаана. Он будет восседать на престоле своем. Он будет облачен в алое и пурпурное. В руке своей он будет держать золотой сосуд, полный святотатств его и богохульств. Ангел Божий покарает его. И он будет съеден червями.

Иродиада. Ты слышишь? Это он говорит о тебе. Он говорит, что ты будешь съеден червями.

Ирод. Он говорит не обо мне. Обо мне он никогда не говорит плохо. О царе каппадокийском — вот о ком он говорит; о царе каппадокийском, моем враге. Это он будет съеден червями, а не я. Обо мне же он, этот пророк, и слова плохого никогда не промолвил, за одним разве что исключением, когда сказал, что я согрешил, взяв в жены супругу брата моего. Может быть, он и прав. Ибо ты действительно оказалась бесплодной.

Иродиада. Это я-то бесплодна! И это говорит тот, кто не сводит глаз с моей дочери, тот, кто хотел бы заставить танцевать ее ради своего удовольствия! Говорить такое просто смехотворно. Я ведь родила на свет дочь. А у тебя не было ни одного ребенка, даже от рабынь твоих. Это ты бесплоден, а не я.

Ирод. Замолчи, женщина! Говорю тебе, ты бесплодна. Это ты не родила мне ни одного ребенка, и пророк говорит, что наш брак не может считаться браком в полном смысле этого слова. Он говорит, что это

кровосмесительный брак, сулящий несчастья... Боюсь, что он прав. Я даже уверен, что он прав. Но сейчас говорить об этом не время. Сейчас я хочу быть счастливым. И я счастлив. Очень счастлив. У меня есть все, о чем только можно мечтать.

Иродиада. Я рада, что ты сегодня в таком хорошем расположении духа. С тобой это редко бывает. Однако уже поздно. Давай вернемся во дворец. Не забудь, что завтра с восходом солнца мы всем двором едем на охоту. Послам цезаря нужно оказать все почести, какие только возможно.

Второй солдат. Какое мрачное выражение лица у тетрарха.

Первый солдат. Да, очень мрачное.

Ирод. Саломея, Саломея, станцуй для меня. Умоляю тебя, станцуй для меня. Мне грустно сегодня вечером. Да, мне очень грустно сегодня вечером. Когда я пришел сюда, я поскользнулся в крови, а это дурной знак, и еще я слышал — я совершенно уверен, что слышал, — хлопанье крыльев в воздухе, хлопанье гигантских крыльев. Но я не могу сказать, что это значит... Мне грустно сегодня вечером. Поэтому станцуй для меня. Станцуй для меня, Саломея, я умоляю тебя. Если ты станцуешь для меня, ты можешь попросить у меня все, чего только ни пожелаешь, даже если это будет половина моего царства, и все это я тебе отдам.

Саломея (вставая). Ты и в самом деле отдашь мне все, о чем я тебя попрошу, тетрарх?

Иродиада. Не танцуй, дочь моя.

Ирод. Все, даже полцарства.

Саломея. Ты можешь в этом поклясться, тетрарх?

Ирод. Клянусь, Саломея.

Иродиада. Дочь моя, не танцуй.

Саломея. Чем ты клянешься, тетрарх?

Ирод. Жизнью моей, короной моей, богами моими. Чего бы ты ни пожелала, я дам тебе, даже если это будет половина моего царства, — только станцуй для меня. О, Саломея, Саломея, станцуй для меня.

Саломея. Итак, ты поклялся, тетрарх.

Ирод. Да, я поклялся, Саломея.

Саломея. Дать мне все, чего я ни попрошу, даже если это будет половина твоего царства?

Иродиада. Дочь моя, не танцуй.

Ирод. Даже если это будет половина моего царства. Ты будешь прекрасна в роли царицы, Саломея, если ты и в самом деле попросишь половину моего царства. Не правда ли, она будет прекрасной царицей?.. Ах, как здесь холодно! Ветер такой ледяной, и я слышу... Почему я все

время слышу это хлопанье крыльев в воздухе? Кажется, будто это какая-то птица, какая-то огромная черная птица, парящая над террасой. Вот только почему я не могу видеть ее, эту птицу? Хлопанье ее крыльев устрашает. Дуновение ветра от ее крыльев вселяет ужас. И этот студёный ветер... Но нет, здесь не холодно, здесь очень жарко. Я задыхаюсь. Лейте воду на мои руки. Дайте мне прильнуть к снегу лицом. Развяжите мне мантию. Скорей же, скорей, развяжите мне мантию! Хотя нет, не надо. Мой венец — вот что причиняет мне боль, мой венец из роз. Эти цветы словно жгучий огонь. Они обжигают мне лоб. *(Срывает с головы венец и бросает его на стол.)* Фу! Наконец-то я могу дышать. Как нестерпимо красны эти лепестки! Они словно пятна крови на скатерти. Хотя это ничего не значит. Не стоит усматривать какие-то символы буквально во всем, что видишь. Это делает жизнь невыносимой. Здесь лучше бы было сказать наоборот: пятна крови так же прекрасны, как лепестки роз. Да, сказать таким образом было бы гораздо лучше... Но не будем говорить об этом. Теперь я счастлив, я как никогда счастлив. Разве я не имею права быть счастливым? Сейчас твоя дочь будет танцевать для меня. Ведь правда, ты будешь танцевать для меня, Саломея? Ты пообещала танцевать для меня.

Иродиада. Я не позволю ей танцевать.

Саломея. Я буду танцевать для тебя, тетрарх.

Ирод. Итак, ты слышишь, что говорит твоя дочь? Она будет танцевать для меня. Ты правильно сделала, Саломея, согласившись танцевать для меня. А когда закончишь свой танец, не забудь попросить у меня все, чего только ни пожелаешь. Все, что только захочешь, я дам тебе, даже если это будет половина моего царства, — я ведь поклялся тебе.

Саломея. Да, ты поклялся, тетрарх.

Ирод. Я всегда сдерживаю свое слово. Я не из тех, кто нарушает свои клятвы. Не умею я обманывать и не умею лгать. Я раб своего слова, слово мое — это слово царя. Вот царь каппадокийский всегда лжет, но настоящие цари так не поступают. Он не царь, а трус. Он должен мне деньги, которых не собирается отдавать, и он даже оскорблял моих послов. Он говорил им очень обидные вещи. Но цезарь его распнет, когда тот приедет в Рим. Я уверен, что цезарь его распнет. А если даже и нет, все равно он умрет, съеденный червями. Так предсказал пророк... Ну хорошо, Саломея, чего же ты ждешь?

Саломея. Я жду, когда рабыни мои принесут благовония и семь покрывал и снимут сандалии с моих ног. *(Рабыни приносят благовония и семь покрывал, затем снимают с ног Саломеи сандалии.)*

Ирод. А, ты собираешься танцевать босиком! Это замечательно! Это

просто замечательно! Твои маленькие ножки будут точно белые голуби. Они будут словно маленькие белые цветы, танцующие на деревьях... Нет, нет, постойте, ей ведь придется танцевать в луже крови! На землю ведь была пролита кровь. Она не должна танцевать в крови. Это дурной знак.

Иродиада. Какая тебе разница, даже если она будет танцевать в крови? Ты ведь всю жизнь ходил по колени в крови...

Ирод. Какая мне разница? А ты взгляни на луну! Она стала красной. Она стала красной, как кровь. Да! Пророк все правильно предсказал! Он так и предсказал, что луна станет красной, как кровь. Разве он не предсказывал этого? Вы ведь все это слышали. И луна действительно стала красной, как кровь. Ты и сама это видишь.

Иродиада. О да, я хорошо это вижу — и то, как звезды падают с неба, словно зрелые плоды со смоковницы, и то, как солнце становится черным, словно черная власяница, и то, как царей земных обуял ужас. Это, по крайней мере, каждый может увидеть. Пророк хоть раз в своей жизни оказался прав: царей земных действительно обуял ужас... Давай, однако, вернемся во дворец. Ты болен. В Риме скажут, что ты сошел с ума. Пойдем-ка во дворец, говорю тебе.

Голос Иоканаана. Кто ты, идущий сюда из Эдома? Кто ты, идущий сюда из Босры^[29] в облачении цвета пурпура, блистая великолепием своего одеяния? Кто ты, шествующий во всемогуществе своего величия? Почему одежды твои запятнаны алым?

Иродиада. Пойдем скорей во дворец. Голос этого человека просто бесит меня. Я не допущу, чтобы моя дочь танцевала, в то время как звучит этот голос. Я не допущу, чтобы она танцевала, в то время как ты смотришь на нее подобным образом. Одним словом, я не позволю ей танцевать.

Ирод. Не торопись вставать с места, супруга моя, царица моя, — ты этим ничего не добьешься. Я не уйду отсюда, пока она не станцует. Танцуй, Саломея, танцуй для меня.

Иродиада. Не танцуй, дочь моя.

Саломея. Я готова, тетрарх.

Саломея танцует танец семи покрывал.

Ирод. Ах, как это было замечательно, как чудесно! Вот видишь, она все же танцевала для меня, твоя дочь. Подойди ко мне, Саломея, подойди, чтобы я мог вознаградить тебя. Да! Я щедро плачу танцовщицам. А тебя я вознагражу просто-таки по-царски. Я дам тебе все, чего только твоя душа пожелает. Говори, чего тебе хочется больше всего?

Саломея (*опускаясь на колени*). Я хочу, чтобы мне немедленно принесли на серебряном блюде...

Ирод (*смеясь*). На серебряном блюде? Ну да, конечно, на серебряном блюде. Она очаровательна, не правда ли? Что же ты хочешь получить на серебряном блюде, о дорогая и несравненная Саломея, прекраснее которой нет никого во всей Иудее? Что именно тебе должны принести на серебряном блюде? Скажи мне. И что б это ни было, тебе это тотчас же принесут. Все мои сокровища в твоём распоряжении. Итак, ты хочешь, чтобы тебе принесли на серебряном блюде — что именно, Саломея?

Саломея (*поднимаясь с коленей*). Голову Иоканаана.

Иродиада. Ах, до чего же хорошая мысль, дочь моя!

Ирод. О нет, только не это!

Иродиада. Очень хорошая мысль, дочь моя.

Ирод. Нет, нет, Саломея. Не проси меня об этом. И не слушай свою мать. Она всегда даёт тебе плохие советы. Не обращай внимания на её слова.

Саломея. Дело вовсе не в моей матери. Я прошу принести мне на серебряном блюде голову Иоканаана по своей собственной воле и ради собственного удовольствия. Ты ведь поклялся, Ирод. Не забудь, ты дал торжественную клятву.

Ирод. Знаю. Я поклялся моими богами. Я это прекрасно знаю. И все же я умоляю тебя, Саломея, попроси меня о чём-нибудь другом, попроси у меня половину царства, и я отдам её тебе. Но не проси меня о том, о чём ты только что попросила.

Саломея. Я прошу у тебя голову Иоканаана.

Ирод. Нет, нет, я не хочу и слышать об этом.

Саломея. Но ты поклялся, Ирод.

Иродиада. Да, ты поклялся. Все это слышали. Ты поклялся перед всеми присутствующими.

Ирод. Помолчи! Я говорю не с тобой.

Иродиада. Моя дочь делает правильно, требуя у тебя голову Иоканаана. Он постоянно осыпал меня оскорблениями. Он говорил обо мне чудовищные вещи. Нетрудно понять, что ею руководит любовь к своей матери. Не уступай, дочь моя. Он поклялся, он ведь поклялся.

Ирод. Помолчи. Не обращай ко мне... Саломея, прошу тебя, будь благоразумной. Ведь я никогда не причинял тебе зла. Напротив, я всегда любил тебя... Быть может, слишком любил. Так не проси же меня об этом. То, о чём ты просишь меня, ужасно, это просто чудовищно. Я думаю — нет, я даже уверен, — что это только лишь шутка. Голова человека,

отсеченная от его тела, — довольно неприглядное зрелище. Невинной девушке вроде тебя не стоит видеть такие вещи. Какое тебе от этого удовольствие? Никакого. Нет, нет, ты не можешь этого хотеть. Слушай меня внимательно. У меня есть изумруд, очень большой изумруд круглой формы, присланный мне одним из приближенных цезаря. Если смотреть сквозь этот изумруд, можно увидеть то, что происходит на огромном расстоянии от смотрящего. Сам цезарь всегда берет с собой такой изумруд, когда отправляется в цирк. Но мой изумруд даже больше. Я точно знаю, что он больше. Это самый большой изумруд на свете. Тебе бы хотелось его иметь, ведь правда? Скажи только слово, и он будет твой.

Саломея. Мне нужна голова Иоканаана.

Ирод. Ты не слушаешь меня. Ты меня совсем не слушаешь. Позволь же мне еще кое-что сказать, Саломея.

Саломея. Дай мне голову Иоканаана!

Ирод. Нет, нет, ты этого просто не можешь хотеть. Ты говоришь это, чтобы проучить меня за то, что я весь вечер смотрел на тебя. И правда, весь вечер я смотрел на тебя. Твоя красота не давала мне покоя. Твоя красота ужасно смущала меня, и я слишком подолгу смотрел на тебя. Но я не буду больше смотреть на тебя. Не следует подолгу смотреть ни на людей, ни на предметы. Нужно смотреть только в зеркало, ибо в зеркале не увидишь ничего, кроме маски... Эй, принесите мне вина! Я умираю от жажды... Саломея, Саломея, будем друзьями. Послушай меня... А что, собственно, я собирался сказать?.. Что же это было такое?.. Ах да, вспомнил. Послушай, Саломея... Но прежде подойди поближе ко мне — иначе, я боюсь, ты не услышишь меня... Так вот, Саломея, ты ведь знаешь о моих белых павлинах, о моих прекрасных белых павлинах, которые расхаживают в саду среди миртов и высоких кипарисов? Клювы у них позолочены, зерна, которые они клюют, тоже позолочены, а ноги их пурпурно-красные. Когда они издают крики, начинается дождь, а когда распускают хвост, на небе показывается луна. Они ходят парами среди кипарисов и черных миртов, и к каждому из них приставлено по рабу, который ухаживает за доверенным ему павлином. Иногда они поднимаются в воздух и вскоре, пролетев между деревьями, садятся на лужайку, поясом идущую вокруг озера. На всем белом свете не найти таких удивительных птиц, как мои павлины. Ни у одного царя в целом мире нет таких замечательных птиц. Я уверен, что даже у самого цезаря нет столь прекрасных птиц, как мои павлины. Я тебе отдам пятьдесят из них. Куда бы ты ни пошла, они будут повсюду следовать за тобой, и, окруженная ими, ты будешь словно луна посередине большого белого облака... Ладно, я отдам тебе всех. У меня их всего сто, и

нет ни одного царя на всем свете, у которого были бы такие павлины, как у меня, но я отдам тебе всех. Только освободи меня от данной мной клятвы и не проси у меня того, что ты у меня просила.

Залпом осушает кубок вина.

Саломея. Дай мне голову Иоканаана.

Иродиада. Правильно говоришь, дочь моя. А что касается тебя, то ты просто смешон со своими павлинами.

Ирод. Замолчи! Ты постоянно что-то выкрикиваешь; выкрикиваешь, будто ты хищный зверь. Не нужно этого делать. Больше я не могу выносить твой голос. Молчи, говорю тебе... Саломея, ты только подумай, что делаешь. Быть может, человек этот послан Богом. Он святой человек. Перст Божий касался его. В его уста Господь вложил слова, вселяющие ужас. Господь всегда с ним — во дворце точно так же, как и в пустыне... Во всяком случае, это вполне возможно. Нам не дано этого знать. Возможно, за ним стоит Господь и Господь присутствует в нем. Так что если он умрет, то и меня может постигнуть несчастье. Ведь он говорил, что в тот день, когда он умрет, с кем-то случится несчастье. Под этим кем-то он мог подразумевать только меня. Вспомни, ведь я поскользнулся в крови, как только вошел сюда. И еще я слышал хлопанье крыльев в воздухе, хлопанье могучих крыльев. Это очень дурные предзнаменования, но были ведь и другие. Я уверен, что были и другие, пусть даже я их и не заметил. Так вот, Саломея, ты же не хочешь, чтобы меня постигло несчастье? Ты просто не можешь этого хотеть. Так что послушайся меня.

Саломея. Дай мне голову Иоканаана.

Ирод. Видишь, ты даже не слушаешь меня. Только старайся сохранять спокойствие — я... я вот спокоен. Я совершенно спокоен. Послушай меня. Здесь у меня в одном месте спрятаны драгоценности, которых никогда не видела даже твоя мать; драгоценности, можно сказать, невиданные. Там у меня есть ожерелье из четырех рядов жемчугов, подобных лунам, связанным между собою серебряными лучами. Они словно пятьдесят лун, пойманных в золотые сети. Некогда ожерелье это носила на груди своей, матовой, как слоновая кость, одна из красивейших цариц. И когда ты наденешь его, ты станешь прекрасна, как царица. У меня также есть аметисты двух разновидностей: одни из них черные, как вино, другие красные, как то же вино, но разбавленное водой. У меня есть топазы желтые, как глаза тигров, и топазы розовые, как глаза лесных голубей, и топазы, зеленые как глаза кошек. У меня есть опалы, пылающие холодным

пламенем, наполняющие душу печалью, страшась вечерних сумерек. У меня есть ониксы, подобные глазным яблокам мертвой женщины. У меня есть лунные камни, изменяющие свой вид вместе с луной и тускнеющие под лучами солнца. У меня есть сапфиры, величиной с птичьи яйца и голубые, как васильки. В них словно заключено волнующееся море, синеву волн которого никогда не разбавляет свет луны. У меня есть хризолиты и бериллы, хризопразы и рубины, сардониксы и гиацинты, а еще халцедоны, и я отдам тебе их — все их отдам и прибавлю к ним много чего другого. Царь Ост-Индии^[30] прислал мне на днях четыре опахала из перьев попугаев, а царь Нумидии^[31] — одеяние из страусовых перьев. У меня есть кристалл, в который женщинам смотреть не дозволено, и даже молодым мужчинам нельзя его видеть до тех пор, пока их не высекут розгами. В перламутровом ларчике у меня хранятся три бирюзовых камня поразительной красоты. Тот, кто украсит ими голову, может представить себе вещи, которых на самом деле нет на свете, а если он будет держать их в руке, от него не понесет ни одна женщина. Это огромные сокровища выше всякой цены. Это сокровища, не имеющие цены. Но это еще не все. В эбеновом ларце я держу два янтарных кубка, в точности похожих на золотые яблоки. Если в эти кубки недруг подмешает яду, они становятся похожими на серебряные яблоки. В ларце, выложенном янтарем, у меня хранятся сандалии, инкрустированные хрусталем. У меня есть мантии, привезенные мне из страны серов^[32], и браслеты из города Евфрата, украшенные карбункулами и нефритом... Чего ты больше всего желаешь, Саломея? Назови мне то, чего ты желаешь, и я дам тебе это! Я дам тебе все, о чем ты только попросишь, за исключением одного. Я отдам тебе все, что у меня есть, за исключением одной только жизни. Хочешь, я отдам тебе облачение первосвященника? Или завесу Святая Святых?

Евреи. О-о-ох!

Саломея. Дай мне голову Иоканаана.

Ирод (безвольно оседает в своем сиденье и откидывается на спинку). Пусть ей дадут то, о чем она просит! Право же, она достойная дочь своей матери.

Подходит **первый солдат**. **Иродиада** снимает с пальца правой руки тетрарха перстень смерти и отдает его **солдату**, который тут же относит его **палачу**. У **палача** испуганный вид.

Кто забрал у меня перстень? У меня был перстень на правой руке. И

кто выпил мое вино? В моем кубке было вино. Мой кубок был полон. Неужели кто-то выпил мое вино?.. О, я уверен, кого-нибудь постигнет несчастье. *(Палач спускается в колодец.)* Ах, зачем я только дал клятву? Цари никогда и никому не должны давать клятву. Если они не могут ее сдержать, это ужасно; если могут, это равным образом ужасно.

Иродиада. Моя дочь поступает правильно.

Ирод. Я уверен, что случится несчастье.

Саломея *(наклоняется над колодцем и прислушивается)*. Ни звука. Я ничего не слышу. Почему он не кричит, этот человек? О, если бы кто-нибудь меня пытался убить, я бы кричала, я бы сопротивлялась, я бы не стала покорно терпеть... Нанеси свой удар, Нааман, нанеси удар своим мечом, говорю тебе... Нет, ничего не слышно. Тишина, ужасная тишина. А! Что-то упало на землю. Я слышала, как что-то упало... Нет, должно быть, это меч палача. Он боится, этот раб. Он уронил свой меч. Он не осмеливается его убивать. Он трус, этот раб! Пусть лучше пошлют солдат. *(Она останавливает свой взгляд на паже Иродиады и обращается к нему.)* Иди-ка сюда. Ты, кажется, был другом того, кто убил себя, не так ли? Ну так вот, знай, что должен еще кое-кто умереть. Иди к солдатам и скажи им, чтоб они спустились в колодец и принесли мне то, о чем я прошу, что обещал мне тетрарх и что теперь по праву принадлежит мне. *(Паж в ужасе отшатывается. Тогда она обращается к солдатам.)* Эй, солдаты, быстрее сюда! Спускайтесь-ка в этот колодец и принесите мне голову того, кого называют пророком. *(Солдаты тоже отшатываются от нее.)* Тетрарх, тетрарх, прикажи солдатам своим принести мне голову Иоканаана.

Из колодца показывается большая черная рука, рука **палача**, держащая серебряный щит с головой **Иоканаана**. **Саломея** хватает ее. **Ирод** закрывает лицо рукавом мантии. **Иродиада**, улыбаясь, обмахивается веером. **Назарейне** опускаются на колени и начинают молиться.

Саломея. А, так ты не хотел, чтобы я целовала тебя в уста, Иоканаан? Что ж, теперь я поцелую тебя. Я укушу твои губы зубами своими, как кусают созревший плод. Да, я поцелую твои уста, Иоканаан. Я ведь говорила, что поцелую. Разве не говорила? Говорила ведь. Так вот, теперь я наконец поцелую твои уста... Но почему ты не смотришь на меня, Иоканаан? Твои глаза, вселявшие ужас, исполненные гнева и презрения, закрыты теперь. Почему они закрыты? Открой глаза свои! Разомкни свои веки, Иоканаан! Почему ты не смотришь на меня? Ты, верно, боишься меня, а потому и не смотришь на меня, не так ли, Иоканаан?.. А язык твой,

подобный красной змее, источающей яд, неподвижен, он ничего больше не произносит, Иоканаан, этот твой ярко-красный язык, исторгавший на меня свой яд. Не удивительно ли это? Как же так получилось, что эта красная змея больше не извивается?.. Ты не хотел со мной знаться, Иоканаан. Ты отверг меня. Ты поносил меня самыми последними словами. Ты вел себя со мной как с какой-то потаскухой, как с распутницей — это со мной-то, с Саломеей, дочерью Иродиады и царевной иудейской! И чем же это кончилось, Иоканаан? Я по-прежнему жива, а ты, ты уже мертв, и голова твоя принадлежит мне. Я могу с нею делать что захочу. Могу бросить ее собакам, а могу бросить птицам, парящим в воздухе. То, что останется от собак, доедят потом птицы... Ах, Иоканаан, Иоканаан! Ты единственный, кого я любила. Все другие мужчины отвратительны мне. До чего же — ах, до чего же ты был красив! Твое тело было подобно колонне из слоновой кости на подножии из серебра. Оно было подобно саду, изобилующему голубями и серебряными лилиями. Оно было подобно башне из серебра, украшенной щитами из слоновой кости. Ничего на свете не было белее твоего тела. Ничего на свете не было чернее твоих волос. Ничего на свете не было краснее твоих губ. Твой голос был словно курильница, испускающая диковинные ароматы, а когда я смотрела на тебя, я слышала дивную музыку. Ах, почему ты не смотрел на меня, Иоканаан? Лицо свое ты прятал за ладонями своими и проклятиями своими. На глазах твоих были шоры, не дававшие тебе видеть ничего другого, кроме своего Бога. Что ж, своего Бога, Иоканаан, ты видел, а вот меня, меня ты так и не увидел. А если б увидел, то полюбил бы меня. Я увидела тебя, Иоканаан, и полюбила. Ах, как я полюбила тебя! Я все еще люблю тебя, Иоканаан, тебя одного... Я жажду твоей красоты, я изголодалась по твоему телу, и никакое вино не сможет утолить моей жажды, никакие фрукты не смогут насытить желания моего. Что мне делать теперь, Иоканаан? Никакие потоки, никакие водные стихии не погасят страсти моей. Я царица, но ты пренебрег мною. Я была непорочна, но ты лишил меня девственности. Я была целомудренна, но ты наполнил жилы мои огнем... Ах, почему ты не посмотрел на меня, Иоканаан? Если бы посмотрел, ты полюбил бы меня. Я это хорошо знаю — ты полюбил бы меня, ибо любовь намного загадочнее смерти. Любовь выше смерти.

Ирод. Она чудовище, твоя дочь, она просто чудовище. То, что она совершила, — это огромное преступление. Я уверен, это преступление против неведомого нам Бога.

Иродиада. Я одобряю то, что сделала моя дочь, и теперь я согласна остаться здесь.

Ирод (*вставая*). Что еще можно услышать от жены-кровосмесительницы?! Идем! Я не желаю здесь оставаться. Идем, тебе говорят. Я уверен, случится какое-то ужасное несчастье. Манасия, Иссахар, Озия, погасите факелы. Я ничего не хочу видеть и не хочу, чтобы меня было видно. Погасите факелы! Спрячьте от меня луну! Спрячьте звезды! Давай укроемся в нашем дворце, Иродиада. Мною овладевает ужас.

Рабы гасят факелы. Звезды исчезают. Огромное черное облако наползает на луну и полностью закрывает ее. На сцене становится совершенно темно. **Тетрарх** начинает подниматься по лестнице.

Голос Саломеи. Ах, я поцеловала тебя в уста, Иоканаан, я поцеловала твои губы! Губы твои имеют такой горький вкус. Не вкус ли это крови?.. А может быть, вкус любви?.. Говорят, у любви горький вкус... Ну и что из того, что горький? Что из того? Я все же поцеловала тебя в уста, Иоканаан.

На **Саломею** падает луч луны и освещает ее.

Ирод (*оборачиваясь и увидев Саломею*). Убейте эту женщину.

Солдаты бросаются вперед и щитами своими раздавливают **Саломею**, дочь Иродиады, царевну иудейскую.

Занавес

notes

Примечания

Пьер Луи (1870—1925) — французский поэт и писатель.

Тетрарх — правитель четвертой части области или страны. В Библии этот титул употребляется в отношении тех, кто управлял какой-либо областью Римской Империи. В частности, Ирод Антипа был правителем Галилеи и Перей. Он имел также титул царя. Его отец, Ирод Великий, был правителем Иудеи. По-видимому, в этой пьесе Ирод Антипа воплощает в себе совмещенный образ обоих правителей.

Иоканаан (Иоханаан) — так в Древней Иудее звали Иоанна Крестителя, или Иоанна Предтечу, предвозвестника прихода Мессии, т. е. спасителя, с явлением которого на земле начнется царство Божие, и непосредственного предшественника Иисуса Христа, которого он крестил в реке Иордан.

Каппадокиец — житель Каппадокии, древней страны в Малой Азии.

Назаряне — жители Назарета, города в Галилее, где архангел Гавриил благовестил деву Марию о рождении от нее Сына Божего.

Саломея — падчерица Ирода Антипы и дочь Иродиады (жены Филиппа, сына Ирода Великого), оставившей мужа и сожительствовавшей в незаконном браке с его братом, Иродом Антипой.

Фарисеи, саддукеи — религиозные секты в Древней Иудее.

«После меня ... его сандалий» — слова пророка Иоканаана предвещают приход Мессии: «Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его» (Евангелие от Матфея, 3:11).

Акриды (греч.) — саранча. В Библии так сказано об Иоанне Крестителе: «Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих; а пищею его были акриды и дикий мед» (Евангелие от Матфея, 3:4).

Смирна — город на берегу Эгейского моря в Малой Азии; в древности греческая колония.

Пророк Илия — перед явлением Мессии пророк Илия должен был прийти и приготовить ему путь. Эту миссию, по словам самого Христа, исполнил Иоанн Креститель, «ибо он пришел в духе и силе Илии» (Евангелие от Матфея, 11:14, 17:12; Евангелие от Марка, 9:13).

Василиск — чудовищный змей, наделенный способностью убивать не только ядом, но и дыханием и даже взглядом.

Первосвященник — глава священников в иудейской церкви.

Халдея — древняя страна, столицей которой был Вавилон; халдеи — скотоводческие племена, по имени которых и была названа Халдея.

«*Лопата Господа уже в руке Его*» — имеется в виду лопата, которой веют хлеб. Иоанн Креститель, предвещая в Библии день Страшного Суда, говорит так: «Лопата Его в руке Его, и он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а мякину сожжет огнем неугасимым» (Евангелие от Матфея, 3:12).

Вавилон, а также *Содом* (далее в тексте) и *Гоморра* — города, жители которых, как говорит Библия, предавались пороку и разврату.

Эдом — согласно библейским текстам, горная страна в южной части современной Палестины.

Тир — древний финикийский город, многократно упоминаемый в Священном Писании.

Моав — древняя страна между восточным берегом реки Иордан и побережьем Мертвого моря.

Стоики, или стоические философы — последователи философского учения стоицизма, возникшего в Греции и основанного философом Зеноном. Согласно одному из принципов стоицизма, человеку, если он не сумел разумно организовать свою жизнь, следуя природе, не имеет смысла жить, и он должен покончить с собой. Именно так поступали многие стоики в Греции и Риме.

Мессия — древнееврейское слово, означающее «помазанник», — то есть тот, кто был помазан священным миром и кому тем самым были переданы дары Святого Духа; это же слово на древнегреческом звучало как Христос. Помазанниками издревле называли царей, первосвященников и пророков. Иисуса, сына Божия, называли помазанником, потому что он обладал даром пророка, святостью первосвященника и могуществом царя.

Речь идет о городе Кана Галилейская.

Капернаум — город в Галилее.

Имеется в виду воскрешение дочери Иаира, описанное в Евангелии от Марка (5:39—42).

Самария — древний город в Палестине, одно время являвшийся столицей Израильского царства.

Самаритяне — жители Самарии; впоследствии самаритянами стали называть религиозную секту, отошедшую от иудаизма.

Имеется в виду Иерусалимский храм.

Завеса — занавес или покрывало, закрывавшее вход в Свята́я Святы́х, т. е. в алтарь.

Босра — древний город в южной части современной Сирии.

Ост-Индия — в прежние времена так называлась обширная территория в Юго-Восточной Азии, включавшая нынешнюю Индию, Индокитай, Малайю и Малайский архипелаг.

Нумидия — древнее государство в Северной Африке к востоку от Мавритании; соответствует территории нынешнего Алжира.

Серы — так в древности назывались жители дальневосточных стран, откуда в Европу и страны Ближнего Востока по суше поставлялся шелк.